

Николай Семёнович Лесков

По поводу «Крейцеровой сонаты»

Николай Лесков

**По поводу
«Крейцеровой сонаты»**

«Public Domain»

1890

Лесков Н. С.

По поводу «Крейцеровой сонаты» / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1890

«Хоронили Федора Михайловича Достоевского. День был суровый и пасмурный. Я в этот день был нездоров и с большим над собою усилием проводил гроб до ворот Невского монастыря. В воротах произошла большая давка. В тесноте раздались стоны и крики. Драматург Аверкиев показался на возвышении над толпою и что-то кричал. Голос у него был громкий, но разобрать слов было невозможно...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Лесков Николай Семенович

По поводу «Крейцеровой сонаты»

Всякая девушка нравственно выше мужчины, потому что несравненно его чище. Девушка, выходя замуж, всегда выше своего мужа. Она выше его и девушкой, и становясь женщиной в нашем быту.
Л. Толстой.

I

Хоронили Федора Михайловича Достоевского. День был суровый и пасмурный. Я в этот день был нездоров и с большим над собою усилием проводил гроб до ворот Невского монастыря. В воротах произошла большая давка. В тесноте раздались стоны и крики. Драматург Аверкиев показался на возвышении над толпою и что-то кричал. Голос у него был громкий, но разобрать слов было невозможно. Одни говорили, что он учреждает порядок, и хвалили его за это, а другие на него сердились. Я остался в числе тех, которых не пропустили в ограду, и, не видя цели оставаться здесь долее, возвратился домой, выпил теплого чаю и уснул. От холода и разнородных впечатлений я чувствовал себя очень уставшим и спал так крепко и долго, что не встал к обеду. Обедать мне в этот день так и не пришлось есть, потому что к сумме разнородных впечатлений неожиданно прибавилось еще одно новое, весьма меня взволновавшее.

В густые сумерки меня разбудила моя девушка, сказав мне, что ко мне пришла какая-то незнакомая дама и не хочет уходить, а настойчиво просит, чтобы я ее принял. Дамские посещения к нашему брату, пожилому писателю, вещь довольно обыкновенная. Немало девиц и дам ходят к нам просить советов для их литературных опытов или ищут у нас какого-нибудь содействия в устройстве их дел с незнакомыми редакциями. Поэтому приход дамы и даже ее настойчивость меня несколько не удивили. Когда горе велико, а нужда неотступчива – не мудрено сделаться и настойчивым.

Я сказал девушке, чтобы она попросила даму в кабинет, и сам стал приводить себя в порядок. Когда я вошел в свой кабинет, на большом столе была зажжена моя рабочая лампа. Она сильно освещала стол, но комната оставалась в полумраке. Незнакомая дама, сделавшая мне на этот раз визит, была мне действительно незнакома.

Когда я отыскал ее глазами и хотел ее просить сесть в кресло, мне показалось, что она как будто избегает освещенных мест комнаты и старается держаться в тени. Это меня удивило. Особы, мало застенчивые, неопытные, иногда церемонятся и стесняются таким же образом, но удивительнее всего мне показалось ажитированное состояние этой дамы, которое мне как-то чувствовалось и сообщалось. Она была одета прекрасно, скромно, на ней было все дорогое и изящное: прекрасное плюшевое пальто, которое она не сняла в прихожей и в котором оставалась все время, пока говорила со мной; черная изящная шляпочка, очевидно парижской модели, а не русского производства, и черная вуалетка, сложенная вдвое и завязанная назади так, что я мог видеть только белый круглый подбородок и иногда сверкание глаз сквозь двойную сетку вуали. Вместо того чтобы назвать себя и сказать цель своего прихода, она начала с того, что сказала мне:

– Могу ли я рассчитывать на то, что вам нет никакого дела до моего имени?

Я отвечал ей, что она на это вполне может рассчитывать. Тогда она попросила меня сесть в кресло перед лампой, бесцеремонно подвинула зеленый тафтяной кружок на абажуре

лампы так, что весь свет падал на меня и затемнял ее лицо, и сама села по другой бок стола и снова спросила:

– Вы одинокий?

Я отвечал ей, что она не ошибается: я – одинокий...

– Могу ли я говорить с вами совершенно откровенно? Я отвечал ей, что если она питает ко мне доверие, то я не вижу, что мешает говорить так, как ей угодно.

– Мы здесь одни?

– Совершенно одни.

Дама встала и сделала два шага по направлению к другой комнате, где помещалась моя библиотека, и за нею – спальня. В библиотеке в это время горел матовый фонарь, при котором можно было видеть всю комнату, Я не тронулся с места, но сказал для успокоения дамы, что она видит, что у меня нет никого, кроме прислуги и маленькой сиротки, которая не может играть никакой роли в ее соображениях. Тогда она села снова на свое место, снова подвинула зеленый кружок и сказала:

– Вы меня извините, я в большом возбуждении... и мое поведение может показаться странным, но имейте ко мне сострадание!

Рука ее, которая протягивалась опять к тафтяному кружку на лампе, была обтянута в черную лайковую перчатку и сильно дрожала. Вместо ответа я предложил ей выпить воды. Она меня удержала и сказала:

– Это не нужно, я не так нервна, я пришла к вам потому, что эти похороны... эти цепи... этот человек, который производил на меня такое необыкновенно сильное, ломающее впечатление, это лицо и воспоминание обо всем, что мне приходилось два раза в жизни рассказывать, перепутало все мои мысли. Вы не должны удивляться тому, что я пришла к вам. Я расскажу вам, почему я это сделала, – это ничего, что мы с вами не знакомы: я вас читала много, и многое мне было так симпатично, так близко, что теперь я не могу отказать себе в потребности, чтоб говорить с вами. Может быть, то, что я задумала сделать, есть величайшая глупость. Я хочу прежде опросить вас об этом, и вы должны отвечать искренно. Что вы мне посоветуете, я и сделаю.

Ее контральтовый голос дрожал, и руки, которым она не находила места, трепетали.

II

Посещения и приступы в таком роде в течение моей литературной жизни бывали хоть не часто, но бывали.

Более свойственны они были людям с политическим темпераментом, которых успокаивать довольно трудно, а помогать вдвойне рискованно и неприятно, тем более что в этих случаях всегда почти не знаешь, с кем имеешь дело. На этот раз мне прежде всего пришло в голову, что эта дама также обуреваема политическими страстями, что у нее есть какой-нибудь замысел, который, по несчастию, пришло в голову мне доверить; вступление ее беседы имело много похожего на это, и потому я неохотно сказал ей:

– Не знаю, о чем вы будете говорить. Я ничего не смею обещать вам, но затем, если личные чувства ваши привели вас ко мне по доверию, которое внушает вам моя жизнь и репутация, то я ни в каком случае не нарушу того, что вы хотите мне передать, очевидно, как тайну.

– Да, – сказала она, – как тайну, как совершенную тайну, и я уверена, что вы ее сохраните. Мне нет нужды повторять вам, почему ее надо сохранить; я знаю, что вы чувствуете, я не могу так ошибаться: лицо ваше мне говорит лучше всяких слов, и при этом для меня нет выбора. Повторяю вам, я готова сделать поступок, который одну минуту представляется мне честным и сейчас же представляется мне грубостью: выбор должен быть сделан сейчас, сию минуту, и это зависит от вас.

Я не сомневался, что вслед за этим последует откровение политического характера, и неохотно сказал:

– Я вас слушаю.

Несмотря на двойную вуаль, я чувствовал на себе пристальный взгляд моей гостьи, которая глядела на меня в упор и твердо проговорила:

– Я неверная жена! Я изменяю моему мужу. К стыду моему должен сказать, что с сердца моего при этом открытии спала великая тяжесть; о политике, очевидно, не было и помину.

– Я изменяю прекрасному, доброму мужу; это продолжается шесть... больше!.. – я должна сказать правду, иначе не стоит говорить: это продолжается восемь лет... и продолжается... или нет, это началось с третьего месяца брака; позорнее этого нет ничего на свете! Я не стара, но у меня дети, вы понимаете?

Я качнул утвердительно головой.

– Вы понимаете, что это значит. Два раза в жизни, как к вам, я приходила к тому... кого мы хоронили и чья смерть меня всю переброила, призналась ему в своих чувствах; он был раз со мной груб, другой – нежен, как друг. Как это... не похоже на то состояние, в котором я к нему приходила, и, наконец, я хочу, чтобы вы мне дали тот совет, который мне нужен. Хуже всего в жизни обман, я это чувствую, мне кажется, лучше открыть свою гадость, перенести наказание и быть униженной, разбитой, выброшенной на мостовую, – я не знаю, что может со мной случиться... я чувствую непреодолимую потребность прийти и все рассказать моему мужу; я чувствую эту потребность шесть лет. Между началом моего преступления прошло два года, в которые я не видала... того; затем это началось снова и идет по-прежнему... шесть лет я собиралась сказать и не сказала, а теперь, когда я шла за гробом Достоевского, мне захотелось кончить это, кончить сегодня так, как вы мне посоветуете.

Я молчал, потому что ничего не понимал в этой истории и не мог дать решительно никакого совета; она это уловила на моем лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.